

Последняя воля Баланчина выполнена

Вспоминает Зураб Кикалейшвили

Я танцевал, потому что был рожден танцовщиком. Я грузин, а мы все танцуем...

Джордж Баланчин

Я бережно храню фотографию, на которой снят вместе с Джорджем Баланчиным и двумя ведущими балеринами его труппы. На фото надпись: "Дорогому Зурабу на добрую память". Георгий Баланчивадзе сказал мне, что за долгие годы это первая фотография, которую он надписывает своими настоящими — грузинскими — именем и фамилией: "Ты представить себе не можешь, какая это для меня огромная радость".

Жизнь подарила мне несколько незабываемых встреч с моим великим соотечественником.

Это было в 1947 году. Вместе с солистами Большого театра Вера Цигнадзе и я выступали в Чехословакии на Всемирном фестивале молодежи. Мы представили отдельным концертным номером отрывки из балета "Сердце гор" брата Баланчина — известного грузинского композитора Андриа Баланчивадзе. После концерта нам преподнесли большую корзину с красными розами. В ней была записка: "Мы, ученики Баланчина, поздравляем молодых грузинских танцовщиков с успешным выступлением". К тому времени мы были достаточно наслышаны о всемирной славе Баланчина, и не удивительно, что я горел желанием лично познакомиться с ним. Но в годы глухого железного занавеса об этом можно было лишь мечтать.

Мое желание сбылось только в 1962 году, когда Баланчин со своей труппой впервые приехал в Грузию. Трудно передать словами то впечатление, которое произвела на меня его хореография. Это было совершенно новое осмысление основ классического балета, поистине "музыка, увиденная глазами".

Я не пропустил ни одного урока мастера, ходил на все репетиции и, естественно, видел все спектакли. Мое искреннее восхищение нашло в Баланчине ответный отклик. Он был столь великодушен, что даже предложил мне поступить в его труппу. Но даже заикнуться о самостоятельной поездке в Америку было немисливо. Со временем это понял и сам Баланчин. Он не мог пригласить в свою труппу даже родную племянницу, солистку Тбилисского театра оперы и балета Цискари Баланчивадзе: боялся навредить и ей, и всей семье брата. "Не дай Бог, если я к тому же лишусь возможности быть на родине".

Грузия была для него самым заветным местом на земле. "Я объездил весь мир, где только не был, а вот, выступая в Грузии, я волнуюсь, как в первый раз". Приехав сюда, он буквально на следующий день вместе с братом отправился в Кутаиси поклониться могиле отца. И там, на кладбище, преклонив колени, сказал: "Сколько лет я ждал этого мгновения".

Судьба распорядилась так, что следующая наша встреча произошла, кто бы мог подумать, — в Нью-Йорке! Несколько лет спустя вместе с группой солистов советского балета мне пришлось побывать на гастролях в США и странах Латинской Америки. Разумеется, мы встретились с Баланчиным, и я с наслаждением посещаю его репетиции в Карнеги-холл. В перерывах я, как зачарованный, бродил по многочисленным залам этого замечательного здания-музея, рассматривал экспонаты, развешанные по стенам фотографии выдающихся деятелей мировой культуры. Для

Слева направо: Джон Тарас, Джордж Баланчин, Зураб Кикалейшвили с солистками американской труппы

Публикуемые нами воспоминания о великом Джордже Баланчине принадлежат на днях отмечающему свой день рождения народному артисту Грузии, великолепному танцовщику, балетмейстеру, педагогу-хореографу Тбилисского театра оперы и балета им.З.Палиашвили Зурабу Кикалейшвили. Ученик Николая Тарасова и Вахтанга Чабукиани, он был одной из самых ярких звезд на Декаде грузинского искусства в Москве в 1958 году. Превосходно владея техникой классического танца, он одним из первых в грузинском балете почувствовал необходимость обновления традиционных основ. О том, что "новое" в избытке таилось в нем самом, ярче всего свидетельствуют его герои тех лет: Горда, Давриш и в особенности Яго ("Отелло" А.Мачавариани, хореография В.Чабукиани). В этой роли отразилось не только то лучшее, что он уже дал балетному искусству, но и то, что он мог бы дать ему — еще и еще... Но для этого во все времена надо было еще и иметь свой театр. Коллеги танцовщика до сих пор вспоминают бури оваций, которыми каждый раз награждали Яго — Кикалейшвили парижские зрители в 1966 году.

меня было большой радостью увидеть рядом с портретами Федора Шаляпина и Анны Павловой фотографию нашего великого соотечественника Вахтанга Чабукиани.

Баланчин относился ко мне с большим радушием. Как-то после спектакля он пригласил меня на банкет, устроенный в китайском ресторане. Мы просидели там до 6 часов утра — так сама судьба предоставила мне возможность вдоволь насладиться беседой с Баланчиным. Естественно, главной темой были балет, его артисты. С особым воодушевлением Баланчин говорил о вкладе женщин в балетное искусство. Я спросил, кого бы он особенно выделил из всех. И получил незамедлительный ответ: Инну Зубковскую. Она и вправду была замечательной балериной, к тому же необычайно красивой, на редкость грациозной и женственной... А надо сказать, и это далеко не секрет, что Баланчин с нежным трепетом относился к женской красоте. Недаром в одном из своих интервью он особо подчеркивал, что балет — это искусство, предназначенное не столько для интеллектуального, сколько для визуального восприятия. "Разве можно, — уточнял он, — рассказать о красоте цветка..."

Все его жены были балеринами. Он называл их "музами", а себя Аполлоном, превращающим каждую из них в необыкновенное, сказочно прекрасное существо.

В 1990 году я работал педагогом и балетмейстером в "Токио-балете". Это совпало с гастролями труппы Баланчина. Самого Баланчина уже не было в живых. Труппой руководил танцовщик и хореограф Джон Тарас, по происхождению украинец. Мы были знакомы с ним, он бывал в Грузии вместе с Баланчиным. Я и моя дочь Мако получили приглашение на их спектакль. После окончания выступления новый

руководитель представил нас всей труппе и вручил мне серебряную медаль с эмблемой Баланчина. Для меня это самая дорогая реликвия, я бережно храню ее.

От Джона Тараса я узнал, с каким почетом проводил нашего соотечественника в последний путь американский народ. Его кончина была воспринята как невосполнимая потеря, как утрата бесценного "национального сокровища". "Так американцы прощались только со своими самыми почитаемыми и любимыми президентами".

Завершить свои воспоминания я хочу очень дорогим для меня эпизодом, происшедшим во второй приезд Баланчина в Грузию в 1972 году. Мой родственник, ныне покойный профессор Шота Гарсишвили, подарил моему сыну серебряную икону с изображением святого Георгия Победоносца, принадлежавшую его отцу, деканозу Давиду Гарсишвили. Эта икона хранилась в нашей семье как святая реликвия. На семейном совете было решено передать ее Георгию Баланчивадзе. Он был глубоко верующим человеком: приезжая в Грузию, он всегда посещал наши храмы.

Когда я вручил Баланчину нашу семейную икону, он опустился на колени, поцеловал ее и сказал: "С этой иконой я никогда не расстанусь. Более ценного дара я не получал за всю мою жизнь. Я завещаю, чтобы эта икона была со мной и после моей смерти".

Джон Тарас был свидетелем того, как было исполнено это завещание: Великий Мастер Георгий Баланчивадзе был похоронен в американской земле с грузинской иконой на груди.

Записала
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Кикалейшвили — 22-28 окт. — с 13-1998